

Пока Ланс скрывался в ванной, Чжань Пинчуань тоже не сидел без дела.

Битва с золотой гу-совой с человеческим лицом выжала из него все соки. Он устало прислонился к перилам балкона; лунный свет заливал его спину, отбрасывая на мерцающий серебром пол длинную тень.

— Пап, этот Сы Хунчэ — та еще сволочь. Ты чуть было не лишился сына.

Услышав на другом конце провода привычный лениво-дерзкий тон, Чжань Цинхэ понял: обошлось.

— Твоя мать велела спросить: тот хорошенький рыжий Омега — твой однокурсник?

— О-о, «хорошенький» — не то слово. Он просто сногшибательный. Эти лисьи глазки, точёный носик, губы... А уж как он... — Стоило Пинчуаню заговорить о Лансе, как усталость словно рукой сняло, и он пустился в пространные описания.

Чжань Цинхэ, не выдержав этого потока восторгов, разом забыл о наставлениях жены.

— Я тебя туда бабу водить отправил?! Где секреты, которые прятал Эрдиф? Ты нашел крота из Общества Чёрного Фонаря? Хорош, нечего сказать: дела не сделал, зато в черный список к Сы Хунчэ угодил...

На середине гневной тирады Чжань Цинхэ вдруг отодвинул трубку. Пинчуань услышал его приглушенный заискивающий голос:

— Что? Ой, дорогая, я не кричу. Честное слово, не кричу. Виноват, исправлюсь.

Вернувшись к разговору, Чжань Цинхэ кашлянул. Он всё еще пытался сохранить строгое выражение лица, но голос его заметно смягчился.

— Мать спрашивает... вы с ним... ну, вместе?

Чжань Пинчуань ответил с непоколебимой уверенностью:

— Нет, конечно. Я на задании, легенда сложная. Как я могу ему признаться?

Главная проблема заключалась в его «темном прошлом»: образ вора, угоняющего велосипеда, слишком прочно засел в голове Ланса, и юноша пока не понимал, как это исправить.

Чжань Цинхэ и не подозревал, что в глазах собственного сына он превратился в крупного авторитета по сбору утиля и краже велосипедов, а его жена — пробуждённая восстановительного типа А-ранга — «героически погибла», спасая тонущего ребенка.

— Не вместе, значит? А зачем тогда его за талию лапал? — У Цинхэ едва не помутилось в глазах. — Как я тебя воспитывал? Я же с детства вдалбливал: даже с тем, кто нравится, нужно вести себя достойно. Будь джентльменом, держи свои желания в узде!

— Да ладно?! — Пинчуань вскинул бровь, в нем мгновенно проснулся азарт. Он прищурился и вкрадчиво проговорил: — И вам не совестно такое нести? Напомнить, как мама забеременела мной?

Чжань Цинхэ замялся.

— Кхм... Папа тут вспомнил, что на кухне плиту не...

Но сын не собирался давать ему путь к отступлению. Слова Чжань Пинчуаня, острые и безжалостные, посыпались на отца, как пулеметная очередь.

— Неужели тот самый одаренный Энигма, который еще до свадьбы силой заставил мою маму, изначально Альфу...

Когда радиоактивное излучение стимулировало появление желез у людей, у некоторых Альф возникли аномалии. Они могли менять структуру желез других людей через сексуальный контакт, вызывая вторичную дифференциацию.

В научных кругах таких редких Альф называли Энигмами. Однако по мере стабилизации энергии подземелий такие люди становились исчезающей редкостью.

— Молчать! — Чжань Цинхэ покраснел до корней волос. Крепко сжимая телефон, он пулей выскочил в сад и украдкой глянул на жену. Убедившись, что та мирно читает книгу на диване и делает вид, будто не слышит их семейных разборок, он наконец выдохнул.

— Я тогда просто спутал твою мать с... Ай, ладно, в той семейке все были не подарки.

Сухой ночной ветер Города Пустыни прошелестел в трубке, и голос Чжань Цинхэ стал серьезным. Убедившись, что жена его не слышит, он понизил тон:

— Раз уж вы заняли первое место в Кубке вызова, у «Глаза Демона» появилось для тебя по-настоящему опасное задание.

Ленивое выражение исчезло с лица Пинчуаня. Его рука всё еще лежала в кармане, но мышцы

предплечья напряглись, выдавая предельную сосредоточенность.

— Слушаю.

— У тебя единственного есть шанс попасть в запретную зону. Мне нужно, чтобы ты нашел в базе данных третьего подземного уровня «Синего Центра» отчет о вскрытии восемнадцатилетней давности.

Речь шла о деле, которое давно покрылось пылью и никого не интересовало. Но именно оно стало поворотной точкой в войне по подавлению мятежа. И если поставить под сомнение цели той войны, то этот поворотный момент вызывал больше всего вопросов.

Чжань Пинчуань нахмурился.

— Снова та война?

— Да.

Пинчуань не понимал, почему отец так одержим правдой о тех событиях. Точно так же он не понимал, почему восемнадцать лет назад Чжань Цинхэ согласился безоговорочно подчиниться Федеральному правительству. Город Пустыни был слишком далек; в те времена у Федерации не хватило бы сил, чтобы пошатнуть основы гильдии «Глаз Демона».

Пинчуаню всегда казалось, что его гильдия — это не просто организация, мечтающая сказочно разбогатеть на кристаллах. За ней явно стояла какая-то более высокая миссия. Но пока он был лишь «стажером», и ни отец, ни руководство не спешили посвящать его в детали.

— Ладно. В конце концов, кроме твоего сына, у тебя не так много лишних S-рангов, — хмыкнул Пинчуань.

На этот раз Чжань Цинхэ не стал спорить. Напротив, он повторил с особым нажимом:

— Помни: твоя безопасность превыше всего. Если риск будет слишком велик — сразу отступай.

— Тц, ты так и не сказал, чей это отчет... — Пинчуань не успел договорить: со стороны туалета послышался шум, и Ланс вышел в коридор.

Альфа осекся и коротким движением сбросил вызов.

Ланс заметил этот жест. Инстинкты Белого Фараона заставили его взгляд мгновенно зацепиться за подвески в ушах собеседника.

— Ты с кем-то разговаривал?

— С отцом, — Чжань Пинчуань с трудом сглотнул.

— Понятно. — Ланс перевел взгляд на лицо парня и, машинально потирая живот влажной рукой, как бы невзначай спросил: — И что он сказал?

Это была профессиональная реакция: чтобы понять, лжет ли человек, нужно задать несколько уточняющих вопросов в короткий промежуток времени. Если взгляд собеседника невольно опускается — значит, он юлит. Ланс не то чтобы подозревал Пинчуаня, просто привычка взяла свое.

— Спрашивал, не завел ли я интрижку в университете, — Чжань Пинчуань предпочел не вдаваться в подробности, хотя формально и не солгал.

Ланс медленно вытирал капли воды с пальцев.

— И что ты ответил?

Пинчуань не сводил с него глаз. В серебристом сиянии луны черты их лиц казались мягкими, почти неземными. Голос Альфы прозвучал низко и многозначительно:

— Сказал, что пока еще свободен.

Вода на руках Ланса высохла, кожа стала сухой и слегка шершавой. Он опустил руки.

— Вот как. Ну, тебе ведь только исполнилось восемнадцать. Еще совсем ребенок.

Ланс первым зашагал по коридору к выходу из административного корпуса. Почему-то на душе у него внезапно стало скверно. Пинчуань, пользуясь преимуществом в росте, в пару шагов нагнал его.

— Хоть мне только исполнилось восемнадцать, но всё, чему положено созреть, уже вполне созрело, — прошептал он на ухо Лансу. В пустом коридоре, залитом лунным светом, эти двусмысленные слова прозвучали особенно интимно.

— И что же у тебя созрело? — Ланс почувствовал, как в ушах закололо от его голоса, а ладони, обдуваемые ночным ветром, вдруг стали горячими.

— В самом деле хочешь знать? — Чжань Пинчуань склонил голову, с интересом наблюдая за реакцией.

Они шли так близко, что дыхание одного смешивалось с дыханием другого. Ланс какое-то время ощущал на себе этот жгучий взгляд, затем его лисьи глазки на мгновение встретились со взором Пинчуаня и тут же метнулись в сторону.

— Чжань Пинчуань, — применил он тактику лучшей защиты, — ты меня плохому научишь.

Убийства, ложь, мятежи, предательство — в свои восемнадцать он успел совершить всё, что только можно. И лишь истинная страсть оставалась для него неизведанной территорией. Пинчуань, в худшем случае, мог лишь добавить крохотную каплю порочности в ту бездну тьмы, что уже таилась в душе Ланса.

Впереди зажегся мягкий желтый свет круглосуточного магазина. Тени двоих людей, идущих по огромному стадиону, вытянулись далеко вперед.

Их руки, опущенные вдоль тел, то и дело соприкасались. В какой-то момент Пинчуань осторожно коснулся указательным пальцем ладони Ланса.

— А ты ведь всё прекрасно понимаешь, маленький рыжий лисенок, — проговорил он с легким вызовом.

Ланс скрыл улыбку в тени ночи и лишь крепче сжал пальцы, не пытаясь возразить.

***

На следующее утро Ланс, сидя на кровати, огорошил Чжань Пинчуаня своими новыми грандиозными планами.

— Я решил перевестись на факультет атрибутов.

Пинчуань медленно округлил глаза. Он вспомнил, как еще вчера Ланс с вежливой улыбкой говорил декану: «Учитель, вы же знаете, что у нас основная специализация», — и молча приложил ладонь ко лбу друга.

Ланс поднял на него взгляд:

— Я всё обдумал. Добыча руды — это не моё. А вот история кажется весьма любопытной. После Дня Рассвета в летописях человечества образовались два огромных пробела. Я хочу выяснить, что же произошло на самом деле.

— Слушай, сокровище моё, — выражение лица Пинчуаня стало неопределимым, — ты хочешь сказать, что за одну ночь внезапно решил бросить карьеру перспективного золотодобытчика?

«Потому что золота в моем доме и так куры не клюют»

— У меня очень скромные материальные запросы, — произнес Ланс вслух.

— Материальные — это ладно, главное, чтобы сексуальные не... Тьфу! Я хотел сказать — поддержку любое твоё решение, — Пинчуань мгновенно сменил тон, его лицо приобрело выражение суровости заботливого отца.

А впрочем, так даже лучше. В подземельях на каждом шагу подстерегает опасность, зачем маленькому лисенку так рисковать? Пусть себе копается в истории. В конце концов, Пинчуань и сам в состоянии его прокормить.

Ланс накинул школьный пиджак и собрал сумку.

— Тогда я сегодня же схожу к декану Хэ, переговорю с ним.

— Эй, подожди, я с тобой! — Чжань Пинчуань схватил свою куртку, на ходу захлопнул дверь и по-хозяйски обнял Ланса за плечи.

Однако после уроков Ланс настоял на том, чтобы пойти в корпус факультета атрибутов в одиночку. Пинчуань, вопреки обыкновению, не стал навязываться. Дождавшись, пока рыжий затылок скроется за поворотом коридора, он мгновенно растерял всё своё легкомыслие и активировал связь с начальством.

Из наушника раздался привычный холодный и властный голос:

— Это задание крайне рискованное. Отец сказал, ты согласился?

Пинчуань забился в пустой угол за стеной и тяжело выдохнул. Чем больше он думал о «семейном бизнесе», тем меньше ему это нравилось: задачи становились всё сложнее, а зарплаты не предвиделось даже в проекте. Такими темпами после выпуска ему проще будет наняться в гильдию «Высокая Башня». По крайней мере, они базируются в Гантане, поближе к его будущему Омеге.

— Вчера не успел спросить, — Пинчуань лениво коснулся двух подвесок на мочке уха, — чей именно отчет о вскрытии вам нужен?

Обычно он теребил украшения, когда нервничал, а сейчас на него давила колоссальная ответственность. Проникнуть в здание «Синего Центра», спуститься на закрытые подземные уровни и найти документ восемнадцатилетней давности... Такой план должен быть выверен до секунды. Чжань Пинчуань давно перерос тот возраст, когда в четыре года предлагал людям устроить побег из тюрьмы. Чтобы проверить такое, нужно обладать как минимум невидимостью и способностью проходить сквозь стены одновременно.

Пока Пинчуань предавался мрачным раздумьям, руководитель после долгой паузы наконец произнес:

— Нам нужен отчет о вскрытии четырехлетней сестры Сы Хунчэ. Её звали Сы Хунсуй.

Голос в наушнике звучал безмятежно, словно краски вечернего заката. Чжань Пинчуань услышал каждое слово, но на мгновение буквально оцепенел.

Солнце клонилось к горизонту, поднялся южный ветер, разрывая в клочья последнее облако на небе.

***

В ту же секунду Ланс со стопкой распечатанных документов вошел в здание факультета атрибутов.

Будучи самым непопулярным местом в университете с катастрофически низким уровнем трудоустройства, факультет обитал в здании, которое выглядело более чем скромно. Всего четыре этажа, небольшая площадь, да еще и на самой окраине кампуса.

Стеклянные двери всё еще сохраняли темно-синюю защитную пленку десятилетней давности, облезшую по краям, которую никто не спешил менять. Внутри Ланса встретил пол из обычного бетона с вытравленным рисунком — по нынешним меркам, верх безвкусицы и старины.

Ланс быстро заметил, что даже вахтера нет на месте. В вестибюле царил полумрак, свет едва пробивался сквозь запыленные окна. Он нашел лестницу с облупившимися темно-зелеными перилами и начал подниматься; в воздухе висел тяжелый запах сырости и ржавчины. Неудивительно, что на этот факультет никто не шел: учиться под началом ленивого декана в месте, лишенном всяких перспектив — верный способ поставить крест на своем будущем.

Когда Ланс нашел кабинет Хэ Цзиньэня, декан сидел спиной к двери. Его худощавая фигура, утопающая в просторном тренировочном костюме, казалась непривычно сгорбленной и старой. Рабочий стол стоял крайне неудачно: прямо посреди комнаты, подальше от солнечного света и входа. Это нелепое расположение мгновенно «съедало» и без того небольшое пространство.

Впрочем, Ланс заметил, что Хэ Цзиньэнь любит жизнь: кабинет был заставлен горшками с растениями. Все они выглядели на редкость ухоженными: буйная зелень, крепкие стебли. Судя по слою мха и следам земли на краях горшков, за этим маленьким садом присматривали не один год.

Дверь была открыта. Ланс вежливо постучал по косяку.

Хэ Цзиньэнь выпрямился, словно очнувшись от глубоких раздумий.

— Да, войдите.

Произнеся это, он быстро что-то спрятал в столе и обернулся. Увидев Ланса, декан явно удивился.

— Студент Лань-Лань?

Ланс не стал поправлять его. Со скромным и сосредоточенным видом он вошел, прижимая к груди папку с документами.

— Вчера вы спрашивали, не хочет ли кто-нибудь перевестись на ваш факультет...

— Ха! — Хэ Цзиньэнь махнул рукой. — Да я просто к слову пришлось. Не думал, что найдется такой... чужак.

Ланс сохранил беспристрастное выражение лица:

— Я всё обдумал за ночь. История — захватывающая наука. Мрачные и грязные подземелья не место для Омеги, к тому же с моим F-рангом я слишком слаб. Говорят, труд историка — это работа на века. Поэтому я решил перевестись к вам.

Хэ Цзиньэнь замолчал. Долгая пауза повисла в воздухе.

— Прости, я не хотел сказать, что ты... чужак.

— Всё в порядке.

Декан извлек из ящика очки и водрузил их на переносицу, внимательно вглядываясь в лицо Ланса. Пока он копался в столе, Ланс успел заметить край фотографии, но увидел лишь кусок чьего-то плеча.

Юноша улыбнулся:

— Учитель, если я что-то решил, то действую незамедлительно. И никогда не жалею о сделанном.

Хэ Цзиньэнь задумчиво кивнул, затем потянулся к краю стола и вытащил пухлую папку. Гибким движением пальцев он развязал тесемки и достал увесистую тетрадь.

— Посмотри. В нашей новейшей истории есть два колоссальных пробела. Первый — тридцать лет после Дня Рассвета. Второй — двадцать лет до и после войны по подавлению мятежа.

Хэ Цзиньэнь пролистал страницы, шурша бумагой.

— С момента появления подземелий прошел век, но половина этого времени — сплошное белое пятно. Это прискорбно. Моя работа посвящена не древним векам, а именно этим пятидесяти годам тишины.

Он с силой ткнул пальцем в тетрадь, и в воздухе разлился терпкий аромат старой бумаги. Декан снова посмотрел на Ланса; в его взгляде читался азарт, смешанный с ледяной сосредоточенностью.

— Человеческая память слишком коротка: даже события трехлетней давности искажаются или вовсе стираются. Эти лакуны в истории возникли не сами по себе — их создали намеренно. Кто-то хотел что-то скрыть, кто-то — переписать факты. Путь историка тернист и опасен. Ты всё еще хочешь этим заниматься?

Искренность Хэ Цзиньэня была такой глубокой, что Лансу на мгновение стало не по себе. Разумеется, он не собирался ничего изучать — история этого мира его не касалась. Он пришел сюда только ради поручения Оливера. Как только Оливер будет убит, его миссия закончится. Он даже в университете надолго не задержится: как только шум вокруг смерти Эрдифа утихнет, он найдет повод бросить учебу. Роль студента была для него самой незначительной маской.

Но он вынужден был признать: страсть Хэ Цзиньэня была заразительна. На миг у него даже возникло безумное желание открыться старику. К счастью, Ланс был кем угодно, только не наивным первокурсником. Он посмотрел в глаза декану, и его взгляд был чистым и решительным:

— Да! Я хочу учиться!

Хэ Цзиньэнь отложил тетрадь, снял очки и откинулся на спинку кресла, изучая студента. Слова Ланса не заслуживали доверия: никто не влюбляется в историю за один вечер и не принимает столь судьбоносных решений с такой легкостью. Декан намеренно сгустил краски, говоря об опасности, — любого неопытного юнца это бы до смерти напугало. Но не Ланса. Значит, он либо безумно храбр, либо абсолютно уверен, что ему ничто не грозит.

Хэ Цзиньэню стало любопытно: какую цель преследует этот парень, если готов пожертвовать ради нее своим будущим? В этом году в университете начали происходить странные вещи, и старик надеялся, что эти перемены принесут свои плоды. Это ожидание даже вывело его из того оцепенения, в котором он пребывал последние десять лет.

Хотя, по правде говоря, он думал, что проводником перемен станет Чжань Пинчуань.

Спустя минуту Хэ Цзиньэнь улыбнулся — привычно, добродушно и мягко.

— Хорошо, очень хорошо. Знаешь, у меня когда-то уже был такой студент. Его звали Оливер. Он точно так же грезил историей и бросил самую перспективную специальность ради моих лекций.

Ланс не ожидал, что декан сам заговорит об Оливере. Его зрачки на долю секунды сузились, но лицо осталось неподвижным.

— И как сложилась судьба этого старшекурсника?

Улыбка Хэ Цзиньэня немного померкла. Он положил ладонь на старую поверхность рабочего стола.

— Он мертв.

— Мертв? — Ланс даже не изменился в лице.

Но декан снова расплылся в улыбке, и его взгляд стал пугающе пронизательным. В ту же секунду Ланс понял: он совершил ошибку!

Он не должен был реагировать так спокойно. Глубоко внутри он знал, что Оливер жив, и это знание помешало ему выдать нужную эмоцию — удивление или шок. Эта крохотная оплошность не укрылась от Хэ Цзиньэня, чьи глаза, окруженные глубокими морщинами, теперь впились в него. Скрывать что-либо было поздно.

Ланса мгновенно обдало жаром опасности. Его пальцы судорожно прижались к рукаву, где таился флакон с ядом мотылька Эжун. В голове пронеслось с десяток мыслей, но вне зависимости от того, какой путь он выберет, ни он, ни Хэ Цзиньэнь не покинут этот кабинет без потерь.

<http://bllate.org/book/15867/1440175>